

Сааданбеков Ж.С.

ЧЫНГЫЗ АЙТМАТОВДУН ДҮЙНӨГӨ КӨЗ КАРАШЫ

Сааданбеков Ж.С.

МИРОВОЗЗРЕНИЕ ЧИНГИЗА АЙТМАТОВА

J.S. Saadanbekov

WORLD VIEW OF CHINGIZ AITMATOV

УДК: 82.09/1

Макалада Айтматовдун феномени улуу жазуучу гана эмес, улуу ойчул түзгөн теңдешсиз образдардын негизинде кандай уникалдуу философиялык ачылыштарды жасаганы көрсөтүлөт. Айрыкча адамдын жан дүйнөсүндөгү кутуя сырлардын, ой-толгоолордун жаратылышы олуттуу бир философиялык категориялардын деңгээлине чейин көтөрүлгөн.

Негизги сөздөр: ой, аң-сезим, жан дүйнө, эс тутум, дүйнөгө көз карам, көркөм образ, ар-намыс, ыйман, нарк-насил.

Феномен Айтматова раскрывается не только как великий художник, но и как выдающийся мыслитель который через художественные образы, через образную ткань искусства выразил собственные философские воззрения, отражающие тайны человека, что пребывает в глубинах духовного мира личности, в ее душе, психике, сознании.

Ключевые слова: мышление, сознание, душа, мировоззрение, художественный образ, символ, честь, совесть, достоинства.

The phenomenon of Aitmatov is revealed not only as a great artist, but also as an outstanding thinker, who expressed through the word pictures and figurative fabric of art his own philosophical views reflecting the human mystery that dwells in the depths of the spiritual world of an individual, in his/her soul, mind, consciousness.

Key words: thinking, mind, soul, world view, word picture, symbol, honor, conscience, dignity.

Чынгыз Айтматов как философ – мыслитель в произведениях сумел подняться до собственного обобщения вопросов, угроз и вызовов человеческого бытия в современных условиях глобального мира, остро поставил волнующие человечество «проклятые вопросы» нравственного здоровья человека в обществе, свободы, демократии и справедливости.

Чингиз Айтматов был одним из великих писателей, каких немного рождается в течение столетия. Ибо он один из тех редких гигантов, кто знаменует собой новую эпоху в развитии мировой художественной мысли. Самое большое, самое сильное впечатление оставляемое Айтматовым, – жизненность его произведений, где ощущается та высшая правда, которая доступна только самому великому искусству. Читая Айтматова мы познаем жизнь драматически напряженную, глубже понимаем движение истории, проникаем в суть важнейших жизненных явлений, лучше постигаем себя и окружающих.

За более чем 60 лет неустанного труда Айтматов создал огромное литературное наследие: романы и повести, рассказы, пьесы, литературно –

критические статьи. Регулярно выступал в СМИ на самые актуальные темы повседневной политики. За этот период сочинения Айтматова изданы миллионными тиражами на десятках языках мира. То есть по мере исторического развития все больше становится ясным, что Айтматов – имя бессмертное и принадлежит всему миру.

Как художник, создавший произведения, которые всегда будут ценимы и читаемы во всем мире, Айтматов вместе с тем – выдающийся мыслитель, поставивший в своих работах «великие вопросы» демократии, свободы и справедливости. Айтматов дорог современному читателю не только тем, что он дал несравненные картины кыргызской национальной жизни, первоклассные произведения мировой литературы, но и тем, что используя сугубо художественные средства, мастерски изобличал пороки тоталитаризма, в оковах которого сам жил и творил, через судьбу отдельно взятого человека сумел изобразить исторические судьбы всего народа.

Поистине изумителен Айтматов как мыслитель. Его мировоззрение не только соответствует силе его художнического гения, но быть может подчас превосходит его художественный дар.

В мировой истории культуры подобный синтез, совпадение философского ума и художественного дара встречается, но редко. Известный русский философ Н.Бердяев в этом смысле даже Л.Н.Толстого ставит ниже Ф.М.Достоевского. Он писал, что Толстой «поражает неповоротливостью, прямолинейностью, почти плоскостью своего ума, не стоящего на высоте его гениального художественного дара. Конечно, не Толстой, а Достоевский был великим мыслителем. Творчество Достоевского есть изумительное по блеску, искристое, пронизывающее откровение ума. По силе и остроте ума из великих писателей с ним может быть сравнен лишь один Шекспир, великий ум Возрождения. Даже ум Гете, величайшего из великих не обладал такой остротой, такой диалектической глубиной, как ум Достоевского»¹.

Духовно-философский феномен Айтматова невозможно раскрыть и понять без расшифровки своеобразия и парадоксальности развития самой кыргызской литературы. Она в отличие от русской и европейской, а также западной точки зрения литературой – то не являлась. Кыргызский народ в прошлом преодолевал длительный путь феодально –

¹ Н.Бердяев. Миросозерцания Достоевского М.2001, стр. 22-23

патриархального политогенеза, и ему соответствовало фольклорно - эпическое сознание. В центре устного творчества и фольклора находился акын-фигура переходная от народного певца - сказителя – к письменному поэту литератору. Произведения акынов и акылманов (мудрецов) заменяли, по существу, философию и религию. Ислам как религия начала внедряться среди кыргызов лишь к концу средневековья и в отличие от западных церквей, католической и протестантской, никогда не пользовался в народе большим авторитетом. В кыргызских народных сказках, притчах и анекдотах полно издевки и насмешек над муллами, эшенами (священнослужителями), которые изображаются, как правило, алчными, глупыми и хитрыми людьми. Ислам кыргызским народом был усвоен настолько формально и поверхностно, что с древних времен по сей день не появился ни один сколько-нибудь выдающийся религиозный деятель. Так что я уверен в том, что в недрах кыргызского общества никогда не появится Аятолла Хомейни.

На западе были созданы целые философские системы такими мыслителями как Ф.Гегель, И.Кант, К.Маркс и другие. В России блистали такие яркие имена как Н.Бердяев, П.Чаадаев, В.Соловьев, К.Леонтьев и т.д. У кыргызов исторически, как уже говорилось, философов заменяли такие великие акыны - сказители и акылманы как Калыгул, Арстанбек, Молдо Кылыч, Тоголок Молдо, Токтогул, Барпы, Женижок и другие. Они были очень популярны и пользовались огромным весом и уважением. Их в народе нередко воспринимали как пророков, приписывали им большие возможности и ждали от них общественных деяний крупного масштаба. В силу всего этого их творения постепенно присваивали себе функции, вовсе для них не характерные. Подобно религии, их стихи и сентенции несли в себе огромный нравственный заряд и, подобно философии, нередко брал на себя интеллектуальную трактовку окружающего мира. Так, «Пир Беркута», «Пернатые», Молдо Кылыча – это воистину богатейшая энциклопедия мира пернатых.

Именно на их плечах этих могиканов зарождалась кыргызская письменная национальная литература, выросла плеяда таких замечательных писателей как К.Тыныстанов, Т.Сыдыкбеков, А.Токомбаев, М.Элебаев, А.Осмонов, Т.Уметалиев, Ж.Боконбаев, Т.Касымбеков и другие. И, разумеется, Чингиз Айтматов как писатель родом оттуда, состоялся и закалялся вместе с ними в условиях господства коммунистической идеологии, социалистического реализма и цензуры.

Литературно – художественное наследие Чингиза Айтматова основательно изучены и проанализированы такими видными литературоведами и критиками как К.Асаналиев, К.Бобулов, А.Салиев, М.Рудов, Т.Аскарров, А.Акматалиев, М.Борбугулов, Ж.Бакашева, К.Ибраимов, Г.Гачев, О.Ибраимов, В.Левченко, А.Эркебаев и др. Я с благодарностью и внимательностью изучил и опирался на их опыт, но старался не переступить черту их литературно-критических исканий.

Моя же скромная задача состоит в том, чтобы показать Чингиза Айтматова как мыслителя и философа и название настоящей книги отнюдь не означает, что ему принадлежит какая – то своя философская система, скажем, как марксистский диалектический материализм К.Маркса или идеалистическая философия Гегеля. Чингиз Айтматов такой же философствующий писатель как Л.Толстой, Ф.Достоевский или Г.Маркес. Он среди советских писателей был одним из самых образованных и не понаслышке знал, а постоянно читал и изучал К.Маркса и И.Канта, Ф.Ницше и Ж.П.Сартра, Конфуция и М.Ганди и других корифеев философии, таких далеких и не схожих друг на друга. Однако само сочетание этих не совместимых имен исключает мысль об эклектическом синтезе. Их невозможно примирить, но Чингиз Айтматов расплавив в своем личном духовном опыте превратил их в совершенно новое и оригинальное мировоззрение.

Оно и есть синтетическая философия Чингиза Айтматова сердцевинной которой является экзистенциальная составляющая. Как писал Ж.П.Сартр *«литература есть ангажированная философия, экзистенциально – политическая активность состоящая «на службе свободы»*² (курсив мой – Ж.С.)

Философия Чингиза Айтматова дуалистическая. Это - дуализм духа и материи, реального и идеального, свободы и детерминации. "Чем дальше, - писал сам Айтматов - тем больше я уверен в том, что удельный вес философичности в прозе должен быть как можно выше. Если он низок, то произведения, привлекавшие сиюминутной актуальностью темы, со временем теряют интерес. Попытки достичь художественной высоты без философского подхода обречены на провал"³.

Осевая линия философии Чингиза Айтматова проходит через осознание центрального противоречия человеческого бытия между внутренней свободой личности и определяемостью ее внешними причинами. Сознющая себя свободной, она вынуждена жить в мире несвободы. Речь идет не только о природной необходимости. Самое тяжелое, если не трагичное для Чингиза Айтматова – необходимость социальная, постоянно воспроизводимая свободными актами людей, общества и государства. В этом случае результат свидетельствует о какой – то коренной отягощенности несвободой самой свободы людей. Еще страшнее, еще окончательнее рабство человека у самого себя. При этом человек становится рабом того, что находится как бы вне его, что отчуждено от него, но источник рабства внутренний. Айтматов имеет в виду человека – раба низменных страстей, раба вещей, раба желудка и т.д.

Двойственная природа мировоззрения Чингиза Айтматова особенно ярко проявляется, когда он погружается в толщу народного сознания, прозревая в нем глубины почти мифологические. *Он в художе-*

² Современный философский словарь. М., 1998, с. 967

³ Айтматов Ч.Т., Собр.Соч., Т.3, М.,1984, с.316

ственном изображении постигал и показывал нечто, чего не знал на уровне собственного рефлексивного сознания, что могло даже противоречить его убеждениям (курсив мой – Ж.С.). Так, в свое время, разгорались большие споры в союзном масштабе вокруг повести "Белый пароход". Сам Айтматов считает, что показывая гибель мальчика в данной повести, он отнюдь не возвышает зло над добром, а преследует цель жизнеутверждающую - через неприятие зла в его самой непримиримой форме, через смерть героя. Однако многие известные критики, в частности, Д.Стариков, А.Алимжанов и др. доказывали, что были реальные условия и реальные силы, которые могли бы оградить мальчика. Было бы более чем прискорбно отсутствие таких условий и сил. Именно поэтому смерть мальчика кажется чудовищной и невыносимой.

Отвечая на них Айтматов писал: *"Некоторые читатели сетуют: разве не властен был автор иначе распорядиться судьбой героя? Нет, не волен я был. Такова логика художественного замысла, имеющего свои неподвластные автору принципы.* (курсив мой - Ж.С.) Не мог я поступить, так как посоветовал в письме ко мне один читатель: Орозкула арестовать, деда Момуна отправить на пенсию, мальчика - в город, в школу - интернат. Это мило, но это означало бы амнистию злу. У меня был только один выбор - писать или не писать повесть. А если писать, то - только так»⁴. Словом, герои Айтматова втягиваются в какую - то мельницу, водоворот, из которого выходят в совершенно непредсказуемом обличье. Всякая настоящая мысль или характеристика персонажа у него не предзаданы, а варятся лишь в раскале пишущегося текста и рождаются лишь в борениях ума и души. Потому и смерть мальчика, например, для него есть проблема скорее определенного строения души, чем наличие каких-то реальных сил и реальных условий существования мальчика.

Многие критические, философские статьи того времени показались Айтматову слишком рационалистическими и далекими от жизни, его же влекут не общие философствования, не сухие теории, как бы ни были хороши и правильны они сами по себе. Дело писателя, говорил он, выявлять и в наглядных, убедительных образах возводить подспудно нарождающиеся процессы в сферу общественного самосознания.

В основе его философствований лежит метафизическое восприятие мира, его гениальная интуиция. Его произведения пронизывает феноменологическое начало, которое касается жизненного материала в разрезе самых высоких метафизических понятий – Бог, Вечность, Смысл жизни, Судьба, Душа и т.д. Именно через такие подходы и методы Ч.Айтматов ищет ответы на извечные, так называемые «проклятые вопросы», которые испокон веков волнуют, духовно терзают человечество, а сегодня, в условиях глобализации, они сделались слишком жизненными, слишком реальными, слишком серьезными вопро-

сами. Это – интуиция художественная, но не только. Это также идейная, познавательная, философская интуиция. Она глубоко улавливает, что помимо той жизни, которой мы живем и которую мы называем реальной обыденной жизнью, есть еще какая – то другая жизнь, которая более реальна, чем та, которую мы считаем повседневно и обыденно реальной. Эта жизнь самой мысли, самого духа и моральных институций (честь, совесть и т.д.), которые не поддаются наглядному изображению и описанию, но которые тем не менее играют мощную подспудную и существенную роль не только в жизни отдельной личности, но и в исторической судьбе всего человечества.

Могут возразить, что я чрезмерно преувеличиваю роль интуиции в творческом процессе. Однако даже в точнейших фундаментальных науках как физика, интуиции придают первостепенное значение. «В научном мышлении, - заметил однажды Эйнштейн, - всегда присутствует элемент поэзии. (а ведь поэт мыслит чувствами, которые целиком принадлежат сфере интуиции – Ж.С.). Другой не менее одаренный физик, Поль Дирак прямо высказал мысль, что красоту физической теории следует признать одним из критериев ее истинности»⁵.

Весьма любопытную мысль по этому поводу высказывает известный писатель Владимир Войнович: «Инстинкт умнее ума. Интуиция – это тоже инстинкт, который неведомыми путями оценивает ситуацию и оценивает правильно. Гений инстинтивен и обладает мощным интеллектом. Но интеллект не заслоняет инстинктов, доверяет им. Гений совершает поступок интуитивно, а потом может подумать и объяснить, почему он его совершил.

Интеллектуал обладает сильным интеллектом и слабым инстинктом. Он сначала долго думает, потом совершает поступок. И, как правило, невпопад. Кант говорил (приблизительно), корова умнее гностика. Она не думает, но знает точно, какую траву можно есть, а какую нельзя. Гностик всегда думает и всегда ест не то»⁶.

Выдающийся философ современности Мераб Мамардашвили писал: «Достаточно просто больше верить своей интуиции и тому, что заложено в наши души»⁷.

Отвечая на вопрос корреспондента «Московских новостей», как его замысел воплощается на практике, сам Ч.Айтматов подчеркнул: «В творческой практике Я скорее подсознательно (это ж прежде всего глубинный пласт интуиции – Ж.С.), нежели рационально имею в виду все эти факторы, чувствую: Я не просто представитель определенной национальной литературы, Я обязан сказать нечто большее»⁸. Думается, что благодаря именно своей оригинальной интуиции ему удалось сделать изумительные открытия о человеке. Интуиция

⁵ Цит. По кн. Б.Г.Кузнецов. Эйнштейн, с.87

⁶ Войнович В. Собр.соч. Т.5, М.; 1995 – с.97-98

⁷ М.Мамардашвили. Опыт физической метафизики. М.2009, с.20

⁸ Московские новости – 1981, 26 апреля

⁴ Айтматов Ч.Т., там же с.320

Ч.Айтматова имеет свои пути философствования. Он созерцает глобальные, общечеловеческие идеи, но всегда в движении, в динамике, в трагической их судьбе.

Айтматов иногда любил себя называть непоколебимым почитателем социалистического реализма и считал свои достижения - результатом того, что он неуклонно руководствуется этим принципом. Но на деле он далеко не всегда был соцреалистом в том смысле, в каком советская традиционная критика утверждала у нас существование социалистической школы реализма. Айтматов, чем дальше, тем больше отдаляется от социалистического реализма, а становится мастером фантастического, магического реализма, тяготеет к экзистенциальной философии, метафизические методы познания которой позволяет широко использовать в своем творчестве символику и метафоры, мифологию, моралистику и т.д. "Что касается значения фантастического вымысла, - писал Айтматов, - то еще Достоевский писал, что фантастическое в искусстве имеет предел и правила. Фантастическое должно до того соприкоснуться с реальным, что надо почти поверить ему. Достоевский точно сформулировал закон фантастического. Действительно, мифология ли древних, фантастический ли реализм Гоголя, Булгакова или Гарсия Маркеса, научная ли фантастика при всей их разности убедительны именно в силу своего соприкосновения с реальным. Фантастическое укрупняет какие - то из сторон реального и, задав "правила игры", показывает их философски обобщенно до предела стараясь раскрыть потенциал развития выбранных черт.

Фантастическое - это метафора жизни, позволяющая увидеть ее под новым, неожиданным углом зрения. Метафоры сделались особенно необходимыми в наш век не только из - за вторжения научно - технических свершений в область вчерашней фантастики, но скорее потому, что фантастичен мир, в котором мы живем, раздираемый противоречиями - экономическими, политическими, идеологическими, расовыми. Габриель Гарсия Маркес говорит: "Я исхожу из необходимости разрушить демаркационную линию между тем, что казалось реальным, и тем, что казалось фантастическим, ибо в мире, который я старался воплотить этого барьера не существовало"⁹.

Проза Айтматова - воистину царство фантастических метафор, мифов и легенд. Символы и метафоры водопадом обрушиваются на читателя. Бывает, что в одну фразу вмещено несколько символов и метафор, взятых из самых чуждых друг другу сфер бытия. И убеждаешься, что реальная действительность может быть художественно выражена лишь в символах и искусство никогда не отражает эмпирической действительности без проникновения в психологические глубины духовного мира человека. Но этот мир доступен искусству лишь в символическом отображении. Искусство Айтматова все - о глубочайшей духовной действи-

тельности, о метафизической реальности, оно менее всего занято обыденным, повседневным бытом. Все сложные столкновения и взаимоотношения людей обнаруживают не "предметно реальную" действительность, а внутреннюю жизнь, внутреннюю судьбу людей.

Историки литературы и литературные критики, любящие вскрывать разного рода влияния и заимствования, любят указывать на разного рода влияния на Айтматова, особенно в первый период его творчества. Конечно, какие то влияния на него вполне возможны. Мне кажется, что если Айтматов и испытал чье - то влияние, то это влияние одного из самых великих русских писателей - влияние Достоевского. Ведь в Достоевском достигает вершины русская литература, в нем совершается уже прорыв в глубинные пласты человеческой психики. Айтматов непосредственно примыкает Достоевскому, особенно в своих трагических повестях и романах. А трагедия Достоевского, как и всякая истинная трагедия имеет катарсис, очищение и освобождение. Если можно назвать Достоевского реалистом, то реалистом магическим, фантастическим. И не удивительно, что его произведения подчас выглядят реальнее самой реальной действительности. Сам Достоевский писал: "...Совершенно другие я понятия имею о действительности и реализме, чем наши реалисты и критики. Мой идеализм реальнее ихнего. Господи! Пересказать толково то, что мы все, русские, пережили в последние 10 лет в нашем духовном развитии, - да разве не закричат реалисты, что это фантазия! Между тем это исконный, настоящий реализм! Это - то и есть реализм, только глубже, а у них мелко плавают... Ихним реализмом сотой доли реальных, действительно случившихся фактов не объяснишь... У меня свой особенный взгляд на действительность (в искусстве), и то, что большинство называет почти фантастическим..., то для меня иногда составляет самую сущность действительности. Обыденность явлений и казенный взгляд на них, по - моему, не есть еще реализм, а даже напротив... Неужели фантастичный мой Идиот не есть действительность, да еще самая обыденная! Да именно теперь - то и должны быть такие характеры... Я не за роман, а я за идею мою стою"¹⁰.

Когда Айтматов встал во весь свой рост и говорил свое новое творческое слово, он уже был вне всех влияний и заимствований, он единственное и национальное, и общечеловеческое творческое явление.

Не только фантастический, но и трагический реализм является философским методом познания Айтматова. Герои Айтматова живут в за предельных, неведомых и жутких ситуациях, их души пронизываются трагическими токами, в них совершается переход от душевной обыденности к окраинам души, к противоположным полюсам, происходит раздвоение их душевной жизни. В этой

⁹ Айтматов Ч.Т., Собр.Соч., Т.3, М., 1984

¹⁰ Селезнев Ю. Достоевский. М., 1981, с.388

связи привожу ниже некоторые фрагменты беседы японского философа Икэды с Айтматовым:

Икэда. Порассуждаем о «трагическом». Немало произведений имеет трагический конец, когда, пройдя через борьбу «добра» со «злом», главный герой в конечном счете терпит поражение. Это особенно ярко проявилось в ваших романах «Плаха» и «И дольше века длится день». Крушение надежд, смертельный исход как бы показывают людям, глядящим сквозь щели изгороди, глубину пропасти, в которую может ввергнуть их судьба. И эта бездонная глубина вырывает нас из повседневности, побуждает задуматься над изначально присущим нам предназначением, пробуждает жажду жизни. Разве не в этом эффект трагедии? Разве в конечном счете она не обращает человека к добру, не заставляет поверить в его существование?

... Вы и сами говорили, что в истории движущей силой мышления, творческого таланта является трагедия. Не изложите ли подробнее вашу точку зрения на этот вопрос?

Айтматов. Трагичность – знаменатель внутреннего мира человека. Свойства личности раскрываются через трагические переживания, когда он наталкивается в своем движении к истине, к праведности, к справедливости на противодействие отрицательных сил действительности. Не следует забывать, *трагедия – горький спутник счастья...* (курсив мой – Ж.С.) В преодолении трагической ситуации человек гибнет или выпрямляется. Понятие безысходности в жизни и в искусстве не всегда совпадает. Что такое гибель Джульетты с точки зрения житейской? Это – отчаяние и безысходность, это – самоубийство слабого духом. Что такое гибель Джульетты в искусстве? Казалось бы, почти то же самое, но под пером Шекспира эта безысходность обретает мощную силу обратного воздействия – это сила духа, это непреклонность и непримиримость, это убежденность и бескомпромиссность. Это одновременно любовь и ненависть, вызов и верность, это, наконец, утверждение личности ценою собственной жизни.

Икэда. Эти ваши слова – «Трагедия – горький спутник счастья...» - наиболее точный ответ на мою постановку вопроса. Отдавая им должное уважение, я позволю себе изложить мой принцип: «Волны, встречаясь с препятствиями, лишь усиливаются». Препятствие, трагедии закаляют человека, добавляют человеческой жизни новую глубину и силу... Счастье венчает своим блеском лишь того человека, который борется, который в конечном счете не боится борьбы с самим собой. Вершиной истории искусства является не столько комическое, сколько трагическое, представленное, например, греческим трагедиями или трагедиями Шекспира. Людям не надоедает сотни и тысячи раз перечитывать или смотреть трагедии, потому что они очищают дух человека, совершая «духовный обмен веществ», подобно тому как соответствующее движение освежает физические силы человека.

В вашем «Белом пароходе» чистая душа ребенка ведет смертельную схватку со злом. А как,

интересно, отнеслись читатели к трагедии «Белого парохода»?

Айтматов. Судя по моей почте, большинство правильно поняли трагический финал «Белого парохода». Не потому он неизбежен, что его «предсказала» Рябая Хромая Старуха, а потому, что добро в лице мальчика оказалось несовместимым со злом. Непримируемость мальчика к злу остается с ним. С этой непримируемостью он «уплывет»... И если он найдет пристанище в сердцах читателей, то в этом его сила, а не «безысходность». Откровенно говоря я горжусь своим мальчиком.

Икэда. Чем вы объясняете в принципе такое несходство восприятия трагического искусственными критиками и простыми читателями?

Айтматов. Наверное, «искусственностью» первых, которые «знают», как должен видеть и соответственно отражать жизнь писатель, и «простотой» вторых, кто хочет правды, желанной правды. Трагедия требует соучастия. В этом её сила. *Что и говорить, наше общество, каждый человек живет ныне в жанре трагедии. И не только личной. Её переживает все человечество.* (курсив мой – Ж.С.). От этого не уйдешь. Не скроешься в литературе с неизменным счастливым концом. Преодолеть – вызвать огонь на себя. Испытать, если угодно то, что испытывают самые честные, благородные и чистые душой люди, герои.

Икэда. Но «добро» и «зло» понятия социально конкретные. Они не существуют вне времени. Можно не сомневаться, сегодняшнее зло показалось бы невероятным людям прошлых веков. Какими же средствами должен художник изображать сегодня природу и сущность «зла», чтобы потрясти воображение человека XX столетия? Все правы, реальная действительность фантастична. И не только. Она страшнее фантастики, ибо ...реальна¹¹.

В том же романе «Тавро Кассандры» Кассандра – эмбрион фантастика, но 1,5 миллиарда голодающих детей Земли, разве не страшнее фантастики? Монах Филофей – фантастика, но невежество и агрессивность толпы, для которой убивать человека все равно, что раздавить муху, разве это не страшнее фантастики? Мотивы рока, ключевого в древнегреческой трагедии, грехопадения, потоп и другие природные катаклизмы, апокалипсические ноты в последних романах Айтматова несут огромную нагрузку, тем более что каждый из них как бы приобретает магическую силу, поскольку подвергается фантастическому переосмыслению. Даже в таком, казалось бы, сочиненном и органичном для романа «Когда падают горы» отбитие олигархом Эрташом Курчалом любимую женщину Арсена Саманчина оживает древний кыргызский миф о вечной невесте, ставшей символом невыносимого страдания возлюбленных – охотника и его невесты.

Ч.Айтматов с ранних лет и до последних дней своих всем сердцем любил простой народ, его телесную и нравственную силу. Никакие пороки и неблагоприятности, бытовавшие в народе, не могли

¹¹ Айтматов Ч.Т., Тавро Кассандры, М.1998, с.301

смутить его. Он умел отличать здоровое зерно в простом человеке от наносного дурного, что пристало к нему под воздействием постыдной бедности и рабской зависимости от тоталитарной системы власти. Он любил наблюдать трудовую и семейную жизнь простых людей - крестьянина, учителя, рабочего.

Такая связь с народом, тесная солидарность с ним, с его жизненными интересами, с его радостями и горестями, и составляла прочную основу духовного демократизма Айтматова, всего его творчества, проникнутого высоким гуманизмом, да и всей его общественно - политической деятельности. Не случайно, конечно, что все созданные им наиболее обаятельные и трогательные образы (Дюшен, Жамийля, Танабай, Едигей и др.) - выходцы из народа. И у всех у них тяжелая, но по - своему, завидная судьба.

Все герои Айтматова - люди идейные опаленные, сжигаемые внутренней духовной страстью. Они - это сам Айтматов, его собственный путь, различные стороны его существа, его муки, его вопрошания, его страдальческий опыт. Герои айтматова принадлежат массам XX века, которые вышли на авансцену истории как творцы идей, движущих нацию, страну, цивилизацию. "Умственная жизнь, - писал Айтматов, - так называли в старину все то, что входило в круг интеллектуальных, духовных интересов человека, от политики до музыки. Этот круг интересов в наше время неуклонно расширяется и в "акватории" отдельной личности, и в особенности - охватывая широкие слои масс. Умственная жизнь, таким образом, уже не привилегия элиты, а неотъемлемое достояние всех народов. Это несомненно, выдающееся революционное завоевание двадцатого века. Я имею в виду повсеместный культ стереотипов, стандартизацию умственной жизни, вызываемую в значительной степени расцветом современных средств массовой информации, и прежде всего телевидения. Речь не идет о том, чтобы ограничить эти средства. Нет, наоборот, всемерно используя достижения научно - технической революции, необходимо придать умственной жизни черты высокого творческого мышления»¹². Здесь Айтматов превосходит и глубоко понимает, насколько вопрос об идеях усложнился, как радикально изменилась сама структура производства идей. Оказалось, что они могут производиться в обществе не мыслителями, не художниками, не интеллигенцией, а - массами, то есть идеи стали производиться не в специализированной сфере, не внутри науки или искусства, а как бы спонтанировать в массовом сознании. В то же время он философски озабочен, что массовизация идейной сферы чревата порождением пагубных, вредных стереотипов и штампов национальной культуры, что необходимо изживать, вытраивать из общественного самосознания. В этом смысле он часто ссылается опять таки на опыт Достоевского, который всячески изживал все то, что помимо его воли входило в него

в виде инстинктов русской толпы того времени, например, странное, фантастическое почтение к "униженным и оскорбленным". "Он первым поставил под вопрос эту манию, литературную и общеполитическую. Он обратил внимание на то, что нищета - это ведь тоже обладание, тоже своего рода гордыня и способ угнетения других. И, "обладая нищетой" можно быть таким же негодяем, какого формирует обладание богатством. В то время как в интеллигентском общем мнении почти автоматически предполагалось: если человек беден, то по определению прост и честен, коли плохо одет и социально унижен, значит - носитель добродетели и здравого смысла... Дело даже не в том, истинно это или ложно, а в том, что тут работают некие априорные и почти бессознательные установки, существующие уже в готовом виде и жестко задающие кодекс поведения»¹³.

Вспомним, неприятие значительной частью кыргызской общественностью, особенно именитых аксакалов литературы повести "Джамиля" особенно фильма А.Михалкова - Кончаловского по повести Айтматова "Первый учитель", что вызвано именно априорными, ветхозаветными предрассудками о кыргызской женщине. До "Джамиля" и этого фильма в национальном кино и литературе в целом, как бы главенствовало, стало само собой разумеющимся и обрело качество психологического и эстетического штампа желание увидеть себя самих на экране в благопристойном, достойном виде независимо от истории, от исторических изменений. «А картина вдруг обнажила и те отрицательные качества, что достались нам в наследство. Фильм раскрыл не результат, а процесс великих изменений во внутреннем мире человека, народа, его психологии, показал нам наше прошлое без психологической и эстетической косметики, к которым, кстати, приучило часть зрителей само же искусство, от того и самому зрителю надо было - и было это нелегко - найти в себе мужество, чтоб сказать: "Да! Это было действительно так»¹⁴. Национальная гордость и кичливость, как известно, совершенно разные вещи: в первом случае гордятся своими несомненными достоинствами, не выставляя их навязчиво на показ, во втором - мнимыми достоинствами, чтобы выглядеть "на людях" не хуже, чем другие, кичатся даже собственными недостатками.

Айтматов открывает новые миры. Миры айтматовской прозы - среди всех побед и потрясений нашей истории - одна из немногих художественных миров, которые в известной мере наиболее ответственны, внутренне адекватны уровню надежд и тревог, бурь и скоростей, взлетов и падений XX века. В свернутом виде он заключает в себе самые сложные гуманистические проблемы времени, и прежде всего проблему сохранения, сбережения жизни на земле. Айтматовский "космос" - это та вымышленная, но не иллюзорная, а нужная каждому

¹³ Мамардашвили М.К. Сознание и цивилизация, Санкт - Петербург, 2011, с.184

¹⁴ Айтматов Ч.Т., Собр.Соч., Т.3, М.,1984, с.562

¹² Айтматов Ч.Т., Собр.Соч., Т.3, М.,1984, с.315-316

действительность, которой поистине надо наглотаться, чтобы сберечь, удержать и развить себе благородство, мужество и деятельный гуманизм в современной борьбе за мир. "История поставила перед нами жесточайшие условия выбора: "или - или" писал Айтматов. Я далек при этом от мысли убеждать кого - либо здесь в необходимости бороться за мир на земле - это аксиома. Разве существует какая - то альтернатива этому? Надо ли сомневаться, что каждый из нас в полную меру своих возможностей делает и будет делать все ради сохранения жизни на земле?! В наши дни конкретная форма этой борьбы заключается в воплощении - в поступках и устремлениях - решений, принятых в Хельсинки, за превращение разрядки международной напряженности в необратимый процесс. Опять же, как было сказано выше, альтернативы нет. Нет альтернативы духу Хельсинки на сегодня. *Коллективный разум человечества, не избрал пока ничего иного*¹⁵(курсив мой – Ж.С.).

Академик Вернадский писал, что человечество в XX веке вступило из биосферы в "ноосферу", своеобразное царство разума в котором свободно мыслящее человечество как единое целое отныне стало мощной силой. В век расщепления атома в каждом мгновении стал виден свой микрокосмос, своя неучтенная энергия, а потому..."В этом явлении микрокосмоса, - отмечал создатель учения "ноосфера", - для нашего сознания бездонного мы подходили к длению нашей личности, сколько бессознательных и сознательных процессов переживает каждый из нас в ничтожную долю времени, в мгновение¹⁶.

Но чтобы научиться так продлевать, длить свою личность, увеличивать объем духовной жизни и нить чувств Айтматову нужно было подняться на уровень научного и философского познания от футурологии до космогонии, быть способным продлиться в освоенные, рожденные новыми историческими процессами психологические миры. Впрочем, среди его прозрений есть и космогонические. «Думаем ли мы о том, - вопрошает Айтматов, - что нам доверен мировой разум, субстрат, а вернее, ипостась вечности? Сомневаюсь. Где - то среди нас, в стихии нашей, происходит срыв, обвал, извращение нравственности, незримая радиация зла и страха распространяется из того обвала по миру, нарушается космическая справедливость, думаю, что существует такая справедливость, искажается гармония бытия, и тогда киты не выдерживают и тоже срываются, плывут к берегу и выкидываются разом, выбрасывают себя на погибель, совершают самоубийство»¹⁷. (Такие факты несколько раз опубликовались в СМИ в 70-80гг.)

К последнему роману Айтматова "Когда падают горы" приложен небольшой рассказ «убить - не убить» и там есть такая эпиграмма, высказанная

устами цыганки: «И только солнце останется не забрызганным кровью... и конь ускачет без седока» (курсив мой - Ж.С.). Какое жуткое, леденящее душу полотно, какой беспощадный экзистенциализм! И как еще Голливуд это не заметил и не поставил?

При изучении трудов Айтматова в экзистенциально - политическом плане бросается в глаза большое духовное беспокойство, заставляющее его болезненно чувствовать турбулентный характер мирового развития, «подземные» толчки текущих и грядущих социальных бурь и кровопролитий на земле. Он тонко предчувствовал наступление общемировых угроз и вызовов катастрофического характера - угрозы ракетно - ядерной войны, международного терроризма, деградации и уничтожения окружающей природы, противоборство наций и государств за захват территорий и материальных ресурсов, из - за конфликтности религий и культур.

На мировоззрение и творчество Чингиза Айтматова наложила неизгладимый след рыночно - демократическая революция, произошедшая в СССР в 1990-2000 гг., последствия которой по сей день полны социального трагизма и алармистских настроений. Осознание и осмысление всего этого было у него настолько глубоко и невыразимо обычным художественным словом, что он, в конце концов, в своих филофско - политических публикациях и выступлениях заговорил как пророк.

Безмерная любовь к жизни, честнейшее подвижническое отношение к слову, орудию мысли писателя - все это составляло неизменный тон жизни, душевное обаяние Айтматова. Оно обрело ныне необыкновенную силу нравственного примера.

Литература:

1. Н.Бердяев. Миросозерцания Достоевского М.2001, стр.22-23.
2. Современный философский словарь. М., 1998, с. 967.
3. Айтматов Ч.Т., Собр.Соч., Т.3, М.,1984, стр.316.
4. Айтматов Ч.Т., там же стр.320.
5. Цит. По кн. Б.Г.Кузнецов. Эйнштейн, стр.87.
6. Войнович В. Собр.соч. Т.5, М.; 1995 – стр.97-98.
7. М.Мамардашвили. Опыт физической метафизики. М.2009, стр.20.
8. Московские новости – 1981, 26 апреля.
9. Айтматов Ч.Т., Собр.Соч., Т.3, М., 1984.
10. Селезнев Ю. Достоевский. М., 1981, стр.388.
11. Айтматов Ч.Т., Тавро Кассандры, М.1998, стр.301.
12. Айтматов Ч.Т., Собр.Соч., Т.3, М.,1984, стр.315-316.
13. Мамардашвили М.К. Сознание и цивилизация, Санкт - Петербург, 2011, стр.184.
14. Айтматов Ч.Т., Собр.Соч., Т.3, М.,1984, стр.562.
15. Вернадский В.И. Проблема времени в современной науке (1931). В кн.размышления натуралиста. М, "Наука", 1975, Т.1, стр.48.
16. Айтматов Ч.Т., Собр.Соч., Т.3, М.,1984, стр.373.
17. Айтматов Ч.Т., Тавро Кассандры, М.,1995, стр.45-46.
18. Айтматов Ч.Т., Собр. Соч. в 9 томах.
19. Мамардашвили М.К. Опыт физической метафизики., М., 2011. С.17-18.
20. Айтматов Ч.Т., Детство, Бишкек, 2011, с.90-93.
21. Гачев Г.Г. Чингиз Айтматов. Бишкек, 1989, с.306-307.

Рецензент: д.полит.н., профессор Дононбаев А.А.

¹⁵ Вернадский В.И. Проблема времени в современной науке (1931). В кн.размышления натуралиста. М, "Наука", 1975, Т.1, с.48

¹⁶ Айтматов Ч.Т., Собр.Соч., Т.3, М.,1984, с.373

¹⁷ Айтматов Ч.Т., Тавро Кассандры, М.,1995, с.45-46